

Жюльетта
Бенцони

Juliette Benzoni

CES FEMMES DU GRAND SIÈCLE

Жюльетта
БЕНЦИОНИ

Женщины
Великого
века

Москва
2016

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Б46

Juliette Benzoni

CES FEMMES DU GRAND SIÈCLE

Copyright © Perrin, un departement d'Edi8, 2015
Published by arrangement with Lester Literary Agency

Перевод с французского *Н. Жуковой*

Художественное оформление *Г. Федотова*

На обложке использована репродукция
художника Joseph-Désiré Court

Бенцони, Жюльетта.

Б46 Женщины Великого века : [роман] / Жюльетта Бенцони ; [пер. с фр. Н. Жуковой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Жюльетта Бенцони. Королева французского романа).

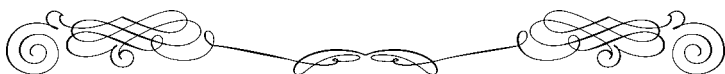
ISBN 978-5-699-91753-2

Красавицы, бунтовщицы, авантюристки, фаворитки и шпионки времен царствования Людовика Великого в изображении Жюльетты Бенцони предстают перед читателями во всем великолепии. Интриги, заговоры, похищения, придворные тайны — через все это проходят женщины Великого века, тайные агентки Короля-солнце. Они не просто живут, любят, страдают, борются за свои интересы, но и влияют на ход французской истории.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-699-91753-2

© Жукова Н., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

*Похищение госпожи
де Мирамьон
Дебют соблазнителя*

В предрассветные часы одного из весенних дней 1648 года часовня монастыря Отцов милосердия на улице Вооруженного Человека была полностью погружена в темноту. Утренняя служба только что закончилась, и священники готовились к следующей. Несмотря на мрак, царивший под низкими сводами часовни, отец Клеман, выйдя из ризницы, уверенной походкой направился к колонне, за которой, преклонив колени, стоял статный господин привлекательной наружности. Мужчина был высок, худощав, у него было красивое лицо с ироничным изгибом рта и большими выразительными глазами, выдающими человека умного и образованного. Держался он с элегантною непринужденностью, говорившей о знатном происхождении. Добротный плащ темного сукна, скрывавший его фигуру, вполне соответствовал и прохладе утренних часов, и строгости места.

Приблизившись к незнакомцу, отец Клеман тоже опустился на колени, делая вид, что несколько не интересуется соседом, но из-за молитвенно сложенных рук донесся его шепот:

— Вы точны, граф! Дама тоже не опоздает, смею вас заверить.

— Как я ее узнаю?

— Когда она придет, я подам знак. Не заговаривайте с ней ни при каких обстоятельствах. Просто обменяйтесь взглядами. Ничего другого. Обещаете?

— Даю слово, преподобный отец.

Удовлетворенный гарантиями, клирик погрузился в свои мысли, а может, и в молитвы, во всяком случае, он обхватил свое костлявое лицо руками. Что касается его вельможного соседа — то был не кто иной, как граф Роже де Бюсси-Рабютен, кузен госпожи де Севинье, — он предпочел наблюдать за прихожанками квартала, которые с часословами в руках, в низко надвинутых на лоб чепцах, закрывавших волосы, и с опущенными глазами входили в церковь. Графу было не до благодати молитвы из-за охватившего его возбуждения.

Встретить Бюсси-Рабютена в монастырской часовне в столь ранний час было делом весьма необычным, даже в этот период, когда Париж уже сотрясали бури грядущей Фронды¹ и церкви зачастую использовались не по прямому назначению: скорее для тайных встреч, чем для молитвы. Но для присутствия здесь этим утром у молодого графа имелись веские и даже уважительные причины, хотя набожность ему вообще-то не была свойственна, ибо он был большой повеса: волокита, дуэлянт, заядлый игрок — и не отличался изяществом в выборе удовольствий.

В нескольких словах его история была такова: год назад он овдовел, предав земле супругу — прелестную

¹ Фронда (1648–1653) — движение против абсолютизма во Франции, в котором принимали участие представители старой французской знати, буржуазии, городских низов и крестьянства.

Габриеллу де Тулонжон, принадлежавшую, как и он сам, к бургундской знати и оставившую ему трех дочерей. Он решил вновь жениться — а что ему оставалось делать с тремя малолетними дочерьми на руках? — и не было недостатка в тех, кто его в этом поддерживал. После возвращения из военного похода во Фландрию он поселился в Тампле¹, с целью поправить пошатнувшееся здоровье, у своего дядюшки Гуго де Рабютена, великого приора Мальтийского ордена. Вместе с приступами лихорадки Бюсси заодно пытался излечить и душевную боль, которая не оставляла его после смерти Габриеллы, и великий приор, человек светский, мог лучше других ему в этом помочь. Дядюшка принимал у себя сливки парижского общества, и однажды Бюсси именно там получил добрый совет от одного любезного соседа по столу, господина дю Бокажа:

— Женитесь снова, дорогой Бюсси. Только преданная и милая супруга вернет вам радость жизни, и я знаю, с кем вас познакомить. Дама живет неподалеку: на углу улицы Святой Авойи², в старинном особняке родителей; она тоже овдовела.

После этой преембулы господин дю Бокаж охотно удовлетворил любопытство Бюсси-Рабютена. Имя предназначавшейся ему спасительницы было Мария Бонно де Рубель, она была супругой покойного господина де Мирамьона. Марии недавно исполнилось семнадцать,

¹ Тампль — резиденция Мальтийского ордена в Париже. Во время пребывания в столице семья Бюсси-Рабютенен обычно останавливалась в Тампле.

² Авойя Сицилийская (Sainte-Avoüe) — христианская святая III–IV (?) вв., родившаяся на Сицилии; по преданию, была спутницей святой Урсулы.

и она вдовела уже полгода. Кстати, она слыла красавицей, да к тому же еще и богатой, что отнюдь не портило дела. Галантного соседа Бюсси послали сами небеса, так как финансовые дела графа были сильно расстроены. Он с жаром принялся уговаривать господина дю Бокажа условиться с молоденькой вдовой о свидании, на которое возлагал самые серьезные надежды. Не знавший отказа у женщин, Бюсси наивно полагался на свою привлекательную внешность и природное обаяние. Увы, все оказалось не так просто.

— Свидание? — изумился дю Бокаж. — Как вы, однако, скоры, военные! Госпожа де Мирамьон почти не выходит в свет и никого не принимает. Молодая женщина соблюдает строжайший траур, и притом очень набожна.

— Как же я рискну штурмовать сию крепость?

— Через исповедника. Единственный способ приблизиться к госпоже де Мирамьон — это заручиться посредничеством ее духовника. К счастью, я знаком с этим святым человеком. Не то чтобы коротко, но знаком.

К исповеднику, судя по всему, было подобраться гораздо проще, и дальше все пошло как по маслу. Дю Бокаж представил Бюсси-Рабютена отцу Клеману, который пообещал, что приложит все усилия к осуществлению столь благого начинания, как устройство брака. Соединение двух исстрадавшихся в одиночестве сердец — во истину богоугодное дело!

Сказать по правде, сам духовник, отец Клеман, не очень-то понравился Бюсси-Рабютену. В нем ощущалась какая-то фальшь, лицо было плебейским, лукавым, речь — двусмысленной, руки — беспокойными и уж чересчур белыми. Чуть ли не с первых слов клирик намекнул, что раз Бог соизволит устроить счастье двух

душ, следует Его отблагодарить щедрым пожертвованием, перепоручив дело ему — верному слуге Господа, и это упоминание о пожертвовании вызвало невольную гримасу на лице Бюсси, который был далеко не богат. Но раз уж отец Клеман был той единственной тропинкой, что могла привести его к богатой и красивой вдовушке, пришлось смириться.

Было решено, что будущие супруги увидятся как бы случайно в часовне Отцов милосердия, куда госпожа де Мирамьон имела обыкновение являться на мессу каждое утро. И вот этот день настал.

Вопреки свойственной ему уверенной манере держаться, Бюсси-Работен нервничал. Что касается отца Клемана, то для человека, погруженного в молитву, он был уж слишком беспокоен. Вдруг его локоть будто ненароком коснулся руки графа.

— Смотрите... вот она... со служанкой.

Действительно, в часовню только что вошла миниатюрная, стройная женщина, которой с трудом удавалось скрыть блестящие белокурые волосы под черной кружевной накидкой. Ее сопровождала служанка с бархатной подушечкой и объемистым молитвенником в руках. При виде дамы молодой человек поднялся с колен, пробрался к кропильнице и, погрузив туда, чуть ли не по кружевную манжету, руку, протянул ее, еще влажную, молодой женщине. Та густо покраснела, скрыв большие светлые глаза за завесой длинных ресниц.

— Благодарю вас, сударь, — быстро прошептала она, в то время как Бюсси, верный данному слову, поклонился ей, не издав ни звука.

Затем, не обернувшись, госпожа де Мирамьон последовала к своей скамье и опустила на колени, отдав-

шись молитве, пока старый священник направлялся к алтарю; впереди него плелся вооруженный колокольчиком сонный мальчик из церковного хора. Итак, встреча состоялась. Теперь Бюсси осталось только поблагодарить услужливого отца Клемана и вернуться в Тампл, где его поджидал дядюшка, словно нетерпеливый читатель, жаждущий получить очередную порцию романа с продолжением.

Гуго де Рабютен, великий приор суверенного Мальтийского ордена, был любопытным персонажем. Истинный вояка, любитель выпить и превосходный оратор, он обошел всю Европу; когда-то он вел жизнь бурную, блистательную, героическую, которая протекала под лязг оружия и плеск развевающихся знамен, и даже принимал участие в достойных пера Гомера сражениях с пиратами Средиземноморья. И эта щедро расцвеченная красками жизнь в итоге привела его к высокой должности, которую он занимал ныне, должности столь же почетной, сколь и скучной. Госпожа де Севинье, близко с ним знакомая, называла его «наш дядюшка-корсар».

Только был ли он корсаром или не был, Гуго де Рабютен обожал свою родню и ни в чем не мог ей отказать. Но это дельце с женитьбой и, главное, то, как оно завязывалось, пришлось ему не по душе.

— Не нравятся мне ухватки отца Клемана, — сознался он племяннику. — К чему столько предосторожностей и тайн? Ты увидел женщину, и она тебя увидела. Почему бы не поговорить?

— С меня взяли обещание молчать, чтобы ее не спугнуть.

— Спугнуть? Вдову? Ну и дела! По-моему, так нужно идти напрямиком к ее отцу, попросить по всем правилам ее руки и назначить дату помолвки.

Бюсси-Рабютен сел в кресло, стоявшее возле камина, и, вытянув длинные, обутые в ботфорты ноги, оперся ими на подставку для дров. Он вздохнул.

— Я тоже так думал, но, похоже, толку бы не вышло. Эти судейские, к которым принадлежит папаша, — самые недоверчивые люди на свете. Легче к королю войти в доверие, чем к ним. Отец Клеман говорит, что требуется время и верный расчет.

— Вздор! — прогремел дядюшка-корсар. — Что это отец Клеман все ставит с ног на голову! Подумать только! Представитель дома Бюсси-Рабютенов оказывает неслыханную честь, делая предложение дочери судейского крючка, а те еще и нос воротят! Мне так и хочется послать их куда подальше, пусть сидят в своей крысиной дыре! Стоит показать им, кто они и кто мы. Ей-богу, да они должны плясать от радости!

— И все же признаем, что это не так. По словам отца Клемана, они не жалуют ни военных, ни знать, которые якобы относятся к ним с презрением, ни придворных тем паче: их они боятся до смерти. В зятях родители вдовы предпочли бы видеть добропорядочного судью в длинной мантии и с внушительных размеров кубышкой, нашпигованной монетами. Вот почему следует не торопить события, а хорошенько обдумать свои действия.

— И действия, разумеется, будут обдуманы, когда отец Клеман набьет карманы твоими денежками. Ну и делишки он обдeldывает, чертов монах! Но коль ты уж

достаточно позолотил ему ручку, осталось ждать уроя. Когда отправляешься в Артуа?

— Завтра. Его высочество принц де Конде¹ меня вызывает, и я должен вернуться на место назначения, раз уже поправился. Но отец Клеман будет мне сообщать о каждом своем шаге и о том, как продвигаются дела.

— Отлично! Ну а если они будут продвигаться слишком медленно, дай знать, я вмешаюсь, — заключил дядюшка, перед тем как пригласить племянника на ужин.

На следующее утро, как он и говорил, Бюсси-Рабютен отбыл на север Франции, где по своему обыкновению являл чудеса храбрости в жестоких стычках с врагом. К концу мая во время осады Перонны он получил письмо от отца Клемана, странное, надо сказать, письмо, оставившее его в недоумении.

В общих чертах духовник давал понять, что госпожа де Мирамьон никак не могла принять решение. С одной стороны, она с симпатией отнеслась к своему воздыхателю, но с другой — не находила в себе достаточно сил, чтобы противостоять близким. Семья настолько была одержима идеей зятя-судьи, что, рискни Бюсси-Рабютен завладеть вдовой, ему оставалось бы только действовать силой. «Вы просто обязаны, — писал священник, — получить путем принуждения то, чего на самом деле жаждет ее сердце».

¹ Принц де Конде (1621–1686) принадлежал к боковой ветви династии Бурбонов и считался «принцем крови», то есть ближайшим родственником королевской семьи. Этот выдающийся полководец, прозванный Великим Конде, одержал несколько блестящих побед в Тридцатилетней войне и был участником Фронды.

Мысль вырисовывалась ясно: госпожа де Мирамьон желала, чтобы ее похитили. В те времена, стоит заметить, к похищениям прибегали часто. Однако без скандала тут обойтись не могло, и Бюсси, слегка удивленный тем, что подобный совет исходит от лица духовного звания, счел более предусмотрительным заручиться поддержкой своего начальника.

Конде был человеком действия и находил, что препятствия для того и существуют, чтобы их либо преодолеть, либо устранять. Он полностью одобрил план похищения, разумеется, только после того, как будет взята Перонна.

Едва город пал, молодой граф, не медля, поскакал в Париж, чтобы приступить к осуществлению операции, несколько сомнительной, но от которой зависело его будущее счастье. И естественно, он нашел искреннее понимание у дядюшки-корсара. Тот предоставил в его распоряжение неприступные стены одной из своих крепостей — резиденции великого приора в Лоне, неподалеку от Санса — чтобы Бюсси отвез туда даму сердца (не могло быть и речи о том, чтобы граф препроводил ее в собственное владение, — по соображениям приличия), а также позволил молодому Ги де Рабютену, кавалеру Мальтийского ордена и брату Роже, оказать последнему посильную помощь. Уладив быстро все дела, решили перейти к исполнению задуманного. Но кто же мог предположить, что госпожа де Мирамьон не имела ни малейшего понятия о том, что ее ждет?

Скажем сразу, что на самом деле отец Клеман вовсе не был духовником дамы по той простой причине, что он вообще никогда никого не исповедовал. Этот исполненный дьявольской хитрости пройдоха не гнушался никаки-

ми средствами, чтобы вытянуть деньги у ничего не подозревавшей жертвы, — иначе говоря, занимался ремеслом, для которого сутана была одеждой не просто наиболее подходящей, но и гарантирующей безопасность.

Не зная всего этого, Бюсси и его брат назначили дату похищения — седьмое августа. В тот день, как стало известно от подкупленного ими слуги, госпожа де Мирамьон вместе со свекровью, у которой она гостила в Исси-ле-Мулино, должна была отправиться в паломничество к монастырю на горе Валерьен.

Погода стояла превосходная. Молодая вдова и ее пожилая свекровь, госпожа де Богарне-Мирамьон, мирно следовали в карете в распахнутых от жары накидках, перебирая четки, как и подобало паломницам. Карета уже приближалась к набережной Сены, где им предстояло сесть на паром до Сен-Клу, как внезапно из зарослей кустарника выбежали вооруженные люди в масках: двое преградили дорогу лошадям, в то время как остальные связали кучера и слуг. Один из разбойников отворил дверцу кареты и обратился к застывшим от ужаса женщинам:

— Не бойтесь, сударыни, — произнес он приятным голосом, слегка приглушенным бархатом маски, — вам не причинят никакого вреда.

Несмотря на это заверение, дамы Мирамьон сочли необходимым оказать отпор и стали защищаться с такой яростью, что братья Бюсси были вынуждены прибегнуть к силе. Трое из их людей бросились на несчастных женщин, однако это не помешало старшей Мирамьон выхватить шпагу у одного из них и нанести удар. Несчастный с пронзенным легким упал как подкошенный. Тем не менее нападавшие одержали верх. Дверца

вновь была закрыта, и карета, в которой двое из похитителей крепко держали пленниц, сопровождаемая ехавшими верхом братьями Бюсси, поспешила укрыться под мрачным пологом Булонского леса. В те времена это был самый настоящий лес — обширный и дремучий, где бандиты всех мастей могли легко найти убежище. Решено было направиться к Обервилю и Пантену, а потом выехать на дорогу, ведущую в Санс.

Заметим, что госпожа де Богарне-Мирамьон оказалась дамой не робкого десятка — был еще порох в пороховницах. Пока ее испуганная невестка, вжавшись в угол кареты, молилась, она притиснулась к дверце кареты и, несмотря на все усилия охранника, завопила что было мочи:

— Я — госпожа де Мирамьон! Госпожа де Мирамьон! Эй, кто-нибудь! Дайте знать моим родным, что нас похитили бандиты!

Несчастный, которому довелось ее сторожить, просто не знал, что делать. Наконец он заставил бунтарку замолчать, освободив ей руки. Однако пожилая дама не замедлила этим воспользоваться: через окошко кареты (ручки дверей были выломаны во время жаркой схватки) она принялась бросать серебряные монеты, которые привлекли местных крестьян, вызвав у них множество вопросов. Ги де Рабютен счел необходимым дать объяснения:

— Бедняга обезумела, вот мы и везем ее в приют для умалишенных!

Но этого оказалось мало, чтобы удовлетворить любопытство зевак. И поскольку после смены лошадей в Мо госпожа де Мирамьон продолжала кричать, сопровождающий решил прибегнуть к последнему средству.